

Хронотоп в средневековой скандинавской культуре

УДК 81(368)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре

Елена А. Мельникова

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
melnikova_2002@mail.ru

Аннотация. Понятие физического пространства как абстрактной протяженности несвойственно менталитету древних исландцев и, соответственно, не было вербализовано и концептуализировано. Все лексемы, связанные с пространством, характеризуют его как ограниченное и обязательно обитаемое: *heimr* – «мир (один из многих), некая область как место обитания», и *rúm* – «пространство, занимаемое кем- или чем-либо; помещение, сидение и т. п.». Более конкретны обозначения определенного участка пространства: *land* («земля») и *staðr* («место»). В восприятии этих локальных пространств особенно важна была их соотносительность с человеком. Понятие границы было связано с маркированием земельных владений, в том числе государственных, и выражалось большим количеством слов: *mörk* (также «[пограничный] лес»), *landamæri*, *landamörk*, *endimörk* (крайний), *vélbönd* (кн.); за границей *útland*, *útan*, *á útleið*. Размеры локальных пространств, их протяженность (*lengð*, *fjarlægð*, *vegalegð* «длина, расстояние»), расстояния между конкретными объектами определялись днями пути, т. е. расстояние измерялось «человеческим фактором». Таким образом, пространство мыслилось как антропоцентрическое.

Знакомство с пространством сопровождалось его доместикацией, которая осуществлялась на нескольких уровнях. Наиболее действенным способом «присвоения» пространства было наделение именем его самого и находящихся в нем объектов. В доместицированном, «своем» пространстве доминировали собственные, древнескандинавские наименования, в пространстве «чужом» – транслитерация местной номенклатуры. Особенно отчетливо топонимическая доместикация проявляется в скандинавской топонимии Восточной Европы. Локальное пространство структурировалось выделением центра власти и периферии (оппозиция *inni* : *úti*).

© Мельникова Е.А., 2025

Ключевые слова: Древняя Скандинавия, пространство, антропоцентризм, доместикация, Восточная Европа, топонимия, границы, центры власти

Для цитирования: Мельникова Е.А. Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 33–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Space and its domestication in Old Norse culture

Elena A. Melnikova

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, melnikova_2002@mail.ru*

Abstract. The concept of physical space as an abstract expanse was neither articulated nor conceptualized, indicating that it was alien to the mentality of medieval Icelanders. The lexemes associated with the concept of space depict it as limited, comprising distinct areas and inherently inhabited: *heimr* ‘abode, land; the region of the world or sky’ and *rúm* ‘room, space; a room, seat, place’. More specific were the designations of certain sections of the space: *land* ‘land’ and *staðr* ‘a stead, place, abode’. The most important aspect of all these spaces was their association with human or mythological beings. The conception of ‘boundary’ was predominantly practical; it was related to the demarcation of land property and, due to its significance, was represented by a number of terms: *mörk* (also a [border] forest), *landamæri*, *landamörk*, *endimörk* (edge). The dimensions of local spaces, their length, and the distances between specific geographical objects were defined by days of travel; that is, the distance was measured by the ‘human factor’. The space was thus perceived as being anthropomorphic. Familiarisation with a new area of space was, in some instances, accompanied by its domestication, which was achieved through various means. The most significant way to appropriate a piece of space was by assigning names to it and to the objects contained within it. In the domesticated space of the north-western part of Eastern Europe, Old Norse designations of the region and its centres predominated, whereas, in the ‘alien’ space, most place names were transliterations of local names. The domesticated space was organised through centres of power and their contraposition to the periphery (the opposition *inni* : *úti*).

Keywords: Ancient Scandinavia, space, anthropocentrism, domestication, Eastern Europe, place-names, centers of power

For citation: Melnikova, E.A. (2025), “Space and its domestication in Old Norse culture”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 33–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Представления о пространстве, его характеристиках и структуре, границах и протяженностях, топографии, населенности и пр. относятся к числу фундаментальных ментальных концептов¹. Свойства пространства «всегда концептуализируются в соответствии с определенными социальными категориями» и общекультурными парадигмами [Michelet 2006, p. 5; Hastrup 1985, p. 50; ср.: Гуревич 1972, с. 26–29 и др.], причем их концептуализация происходит на двух уровнях: теоретическом и непосредственно-чувственном². «Объективное пространство, как его осознает современный человек, бесконечно, непрерывно и единообразно. Оно может быть абстрагировано от своего конкретного содержания, и оно осознается объективно существующим... В чувственном восприятии пространства нет трех евклидовых атрибутов пространства – бесконечности, непрерывности и единообразия» [Стеблин-Каменский 1976, с. 32]. Культура Средневековья не знала «объективного» пространства: в средневековом христианском мире базовые свойства пространства имели истоком христианские догматы и ценности [Гуревич 1972, с. 64–70]³: противопоставление царств земного и небесного, сакрализация отдельных локусов, центральное положение в мире Святой Земли как места жизни и смерти Иисуса Христа и т. д. Отличное от современного, оно было достаточно цельным, осмысленным и структурированным, и его свойства вербализировались в ученой литературе.

Наряду с христианской в средневековой Европе и прежде всего в Скандинавии, длительное время продолжала существовать, а затем и сосуществовать с ней иная, дохристианская, концептуализация пространства. Первичные пространственные представления формировались прежде всего непосредственно-чувственным

¹ См. обзор проблемы в кн.: [Замятин 2006, с. 21–84]. Интерес к ней в историко-культурологических исследованиях в отечественной и зарубежной науке в немалой степени был стимулирован книгой А.Я. Гуревича [Гуревич 1972; Gurevich 1985]).

² О противопоставлении «теоретической» и «бытовой» пространственной картин мира см.: [Мельникова 1998, с. 9–15]. См. также: *Grinnell R. The theoretical attitude towards space in the Middle Ages // Speculum. 1946. Vol. 21. No. 2. P. 141–157.* Ср. разделение микро- и макространств, первое из которых является источником практического опыта, второе – осмысления пространства в космологии [Harrison 1998, pp. 50–56].

³ Одна из первых работ, обсуждавших эту проблему: *Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания* / пер. с нем. В.Н. Линд; вступ. ст. И.М. Гревса. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907 (нем. изд. 1887). См. из последних трудов [Defining the Holy 2006].

восприятием⁴, основанном на реальных знаниях о среде обитания и окружающем физическом мире, его топографии, физических рубежах (реки, горы, непроходимые леса), политических границах, этнических и культурных особенностях, наконец, эмоционально-ценностных смыслах. Включенные в социокультурный контекст, конкретные физико-географические знания преломлялись в «вымышленных», ментальных пространствах, прежде всего мифологическом, которое можно расценивать как своего рода «теоретическое» [Frank 2000, pp. 9–23]. В языческой культуре северных германцев мифологическая организация пространства сочетала вертикальную и горизонтальную системы координат [Мелетинский 1975, с. 38–51] и отличалась резко выраженным дуализмом – противопоставлением пространства богов и людей, с одной стороны, и пространства великанов и хтонических чудовищ – с другой [Мельникова 1987, с. 99–104]. Эти представления в более или менее связном виде нашли отражение в мифологических песнях «Старшей Эдды» и в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона и в форме аллюзий и реминисценций в сагах и поэзии скальдов.

В литературных произведениях географические представления образовывали «вымышленное пространство». Множественность образов пространства возникала потому, что поэтика отдельных жанров средневековой словесности: хроник, героического эпоса, куртуазного романа, исландских родовых и королевских саг и др., требовала особых, специфических для данного жанра форм осмысления и репрезентации пространства. Его дискретность в сочетании с дуализмом и яркой эмоциональной окрашенностью характерны для германского героического эпоса [Гуревич 2005, с. 118–137; Мельникова 1987, с. 99–102]. Пространство хроник и летописей – прежде всего политическое, образуемое центрами власти, в которых разворачивается описываемое хронистом историческое действие [Данилевский 2004, с. 190–231; Place, Space, and Landscape 2007].

* * *

Начальной формой концептуализации знаний и представлений о пространстве была их вербализация. Первые воплощались в наименованиях географических объектов: обобщающих апеллятивах (море, река, гора и т. д.) и конкретных топонимах, вторые

⁴ В данной статье я не рассматриваю «ученые» географические воззрения скандинавов, совмещавшие собственно скандинавскую и западноевропейскую ученую картины мира, что обсуждалось мною в книгах [Мельникова 1998, с. 193–207; Мельникова 1986]. См. также [Simek 1990].

образовывали комплекс «пространственной» лексики, отражающей понятия, в которых запечатлевалось видение носителями языка окружающего их мира. По определению Л. Толми, язык задает «системный каркас» (“systematic network”) для описания пространства: «отражая в лексике одни его аспекты и игнорируя другие, язык тем самым структурирует пространство» [Talmy 1983, pp. 225–282] и придает ему определенные характеристики. В результате пространственная терминология отображает основные особенности ментального пространства носителей языка.

Пространственные представления средневековых скандинавов формировались непосредственно-чувственным восприятием. Видимо, именно поэтому понятие пространства как абстрактной категории чуждо скандинавам: в древнеисландском языке (как и в древнеанглийском [Michelet 2006, p. 19–21]) нет слова, которое соответствовало бы этому понятию [подробно с примерами см.: Мельникова 2014]. В древнеисландском, как и в других древнегерманских языках, пространственная лексика охватывает несколько семантических групп:

1. Мир, область.
2. Место, местонахождение.
3. Ориентация в пространстве.
4. Граница, предел, рубеж.
5. Расстояние.

Наиболее широкое значение и наибольшее распространение имело слово *heimr*, которое буквально означает «обиталище; область на земле или в небе; мир»⁵, «мир (один из многих), вселенная, обиталище»⁶. В значении «мир, вселенная» оно использовалось в церковной лексике, соответствуя лат. *mundus*.

В мифологическом пространстве миров-обиталищ множество: в «Прорицании вёльвы» (*Völuspá*, 2) говорится о девяти «мирах», которые помнит вёльва, в «Речах Вафтруднира» (*Vafþrúðnismál*, 43) упоминаются девять «миров», которые посетил Вафтруднир, в «Речах Альвиса» (*Alvismál*, 9–34) приводятся названия земли, неба, луны и др. в разных «мирах», т. е. у людей, асов, ванов, турсов и др. (Die Edda 1922, S. 1, 45, 109–112; Старшая Эдда 1963, с. 9; 34, 64–66. См.: [Стеблин-Каменский 1976, с. 33–34]). *Heimr* называются области обитания эльфов, великанов, карликов и др.: *Álfheimr* *Jótunheimr*, *Niflheimr* и др.

⁵ Cleasby R., Vigfusson G. The Icelandic-English dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 251.

⁶ Dictionary of Old Norse prose (далее – ONP), <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o32751> (дата обращения 25.12.2024).

Heimr соотносится с областью жительства группы людей. Это может быть мир Исландии, Норвегии или Скандинавии в целом: *Pat munu vera skip þau, er menn hafa ut hingat i heim* – «Это должен быть их корабль, который имеется у людей <, живущих> вне здешнего мира (т. е. Скандинавии. – Е. М.)» (*Orkneyinga saga*. S. 246). В скальдической поэзии употребляются выражения *heimar goða* «мир богов», *sólarheimr* «мир солнца»⁷, *dvalarheimr* «место обитания», *aldaheimr*, *ljóðheimr* «мир людей» и др.⁸ *Heimr* нередко присутствует в названиях деревень: *Sólheimr* в Исландии, *Haughem*, *Trondheim* в Норвегии, *Varhem* в южной Швеции.

Родственное *heimr* существительное *heima*, ср. р. (= *heimili*), означает «дом, жилище», наречия *heim* «домой, по направлению к дому», *heima* «дома (находиться внутри дома)». С этим значением тесно связаны многочисленные производные: *heimaból* «усадебный, жилой дом», *heimadyrr* «дверь в жилом доме (вход)», *heimafriðr* «мир дома», юридический термин, *heimakona* «домашняя служанка» и мн. др.⁹

Все эти словоупотребления указывает на то, что *heimr* – это участок пространства, воспринимаемый как обжитый, непосредственно связанный со средой обитания человека или мифологических существ. Многочисленность «миров» в мифологической традиции свидетельствует, что *heimr* не мыслился как единое, цельное пространство, а как его определенный, причем обязательно обжитый участок.

Другим пространственным термином было *land*, которое в первую очередь обозначало некую территорию, область, т. е. определенный участок пространства, при этом всегда подразумевалась принадлежность этого участка какой-либо общности. Это особенно отчетливо проявилось в превращении *land* в географический термин в хоронимах, обозначавших племенную территорию или государство как принадлежащее какому-либо «народу» по модели этноним + *land*¹⁰: *Svealand* («Земля свеев»), *Rogaland* («Земля ругов»), *Grikland* («Земля греков»), *Frakkland* («Земля франков») и мн. др. Образования на *-land* были основным, практически единственным способом создания хоронимов. Но и вне хоронимов

⁷ *Jónsson F.* Lexikon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog. København: S.L. Møllers bogtrykkeri, 1913–1916. S. 237.

⁸ Ibid., passim.

⁹ *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 249–251.

¹⁰ Впоследствии, после образования национальных государств в части хоронимов формант *-land* был заменен формантом *-ríki* «государство» (см. подробнее: [Krag 1971, pp. 341–354]).

понятие *land* связано с определенной территорией: рунический памятник в Сёдербю (Гестрикланд, Швеция) установлен в память о предводителе **lank lams lands leiðangr** «ледунга земли», т. е. собираемого конунгом войска в определенной области [Мельникова 2001б, № Б-III.3.2], а памятник из Тюринге (Сёдерманланд, Швеция) – в честь братьев, которые были **bistra mana a lanti bæstra manna á landi** «лучшими людьми в земле» [Мельникова 2001б, № Б-III.5.23]¹¹, т. е. в той области, из которой они происходили или которой они владели. Идея принадлежности заложена также в употреблении слова *land* для обозначения земельного владения, усадьбы¹² и находит отражение в производном *útanlands*, букв. «вне земли» (вне Исландии – для исландца, Норвегии – для норвежца, Дании – для дана), т. е. за пределами своей земли.

Ко второй семантической группе относятся слова *rúm* и *staðr*. Первое означает «место в пространстве, занимаемый объем пространства» (например: “*e-m liggr e-t í miklu rúmi*” «нечто занимает много места»), а также «комната, сидение, место для сидения, спальня»¹³. Понятие *rúm*, вероятно, воспринималось как наиболее общее, поскольку именно оно позднее стало обозначением «объективного» пространства. Второе указывает на местоположение человека или предмета в пространстве (например, *í einum stað í England* «в одном месте в Англии»), а также может служить обозначением поселения, города (ср. *staðfesta* «постоянное местожительство, усадьба, резиденция»)¹⁴.

Лексика, связанная с ориентацией в пространстве, прежде всего включает обозначения четырех сторон света: *austr* «восток», *suðr* «юг», *vestr* «запад» и *norðr* «север»¹⁵. Ментальное пространство скандинавов имело центром западную Балтику и структурировалось кардинальными направлениями, которые были теснейшим образом связаны с основными путями, ведущими на север (в Норвегию), на запад (в Англию, Франкию и далее на юг), на юг (по

¹¹ В моем переводе предлог *á* был неудачно передан «на земле».

¹² Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 370; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o47414> (дата обращения 25.12.2024).

¹³ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 370; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o65610> (дата обращения 25.12.2024); Baetke W. Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. B.: Walter de Gruyter, 1968. Bd. 2. S. 507.

¹⁴ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 586; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o74797> (дата обращения 25.12.2024); Baetke W. Op. cit. S. 594.

¹⁵ Подробное исследование древнескандинавских принципов ориентации и связанной с ними лексики принадлежит Т.Н. Джаксон, см.: [Джаксон 1994, с. 54–64; Джаксон 2001, с. 39–48].

суше через Западную Европу) и на восток (в Восточную Европу, Византию, Передний Восток). Сосуществовали два принципа ориентации для передвижения по морю и по суше. Первый должен был отражать «объективные» данные, что достигалось определением места по солнцу, течениям и другим естественным приметам. Второй опирался на «социальное» и путевое членение пространства. Так, в Исландии направление движения указывалось по четвертям, вне зависимости от реального направления: например, *austr* обозначало движение в восточную четверть, хотя реальным могло быть движение на юг и т. д.

Третьим важнейшим элементом, организующим пространство, считается граница. Однако в мифологическом, т. е. концептуализированном пространстве границ как таковых не существует. Общее представление о существовании *innangarðr* «внутри огороженного двора/участка» (мир богов и людей) и *útgarðr* «вне огороженного двора/участка» (мир великанов и других хтонических чудовищ) не предполагало какой-либо маркированной границы, хотя в эдических песнях есть упоминания о стене огня или реке, отделяющей Ётунхейм. В противоположность неопределенности границ мифологического пространства, границы в организации реального пространства были четко определены. Большое значение границы в повседневной жизни, прежде всего в землевладении и землепользовании, определило существование значительного количества слов, связанных с этим понятием. В первую очередь это *endi* «конец, предел» и *mark* (pl. *mörk*) «межа; знак, знак собственности; граница, рубеж», а также большое количество производных от них: *enda-mark* (*endimörk*) «конец, рубеж, предел» и *lands-endi* «конец земли, граница», *landamark* и *landamerki* «межевой знак, знак отмечающий границу между владениями» и *landamæri* «пограничье»¹⁶. Особую роль играло слово *landamæri* «пограничье, фронтир»¹⁷, которое могло относиться к границе как между государствами, так и между частными земельными владениями. Важной особенностью этой группы слов было то, что все они относились к реальному, а не ментальному пространству. Роль границы отражается в подробнейших описаниях маркеров, очерчивающих территорию, на которую распространяются права человека. Так, в «Книге о занятии земли» обязательно называются объекты, маркирующие занятый первопоселенцем участок. Нарушение границы, как правило, ста-

¹⁶ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit., passim; P. 586; ONP, passim.; Baetke W. Op. cit., passim.

¹⁷ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 371; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o47443> (дата обращения 25.12.2024); Baetke W. Op. cit. S. 407.

новится причиной распри – такие случаи многократно описаны в родовых сагах. Сухопутные границы между Норвегией и Швецией – предмет многочисленных переговоров и договоров между конунгами стран. А текст *Landamæri* (середина XI в.) содержит перечень шести «столбов», отделяющих шведские и датские владения в Богуслене (*Äldre Västgötalagen*. В. 2, s. 160–161). Некоторые из них опознаны современными археологами [Мельникова 2015]. Таким образом, в скандинавских обществах понятие «граница» не столько характеризует пространство как таковое, сколько служит практическим целям, маркируя не просто освоенные его участки, а участки–владения, право на которые закреплено традицией.

Традиционным для скандинавов, как всех людей Средневековья, было измерение расстояний временем, затрачиваемым на путь между двумя точками. Наиболее распространенным был счет днями пути. Так, например, Охтхере (конец IX в.) рассказывает о своей поездке в землю беормов (бьярмов): «Тогда он поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трех дней на всем пути оставлял он эту необитаемую землю по правую сторону... Тогда поплыл он дальше прямо на север, сколько мог проплыть за следующие три дня...» и т. д. (Матузова 1979, с. 24). Так же определяет расстояние днями пути аббат Никулас в своем «Дорожнике», написанном между 1154 и 1159 гг.: «Ездившие в Рим сообщают, что от Алаборга два дня езды до Вебьярга, затем неделя езды до Хейдабэ...» [Мельникова 2001а, с. 397].

Сколько-нибудь точного значения «день пути» не имел и иметь не мог, поскольку пройденное расстояние зависело от множества факторов: преодолевалось ли оно на корабле, верхом или пешком; дул ли попутный ветер или нет; была дорога удобной или, например, размокшей от дождей или занесенной снегом и т. д. Столь же неопределенными были меры расстояний на суше – *røst*, *vika* и заимствованная *míla*. Первое родственно *ró* «покой; отдых» и означало «расстояние между двумя привалами»¹⁸. Размер *rёста* также определялся условиями поездки. Второе родственно словам *vík* «залив, бухта» и *víkja* «двигаться, поворачивать» и соответствует понятию «морская миля», но изначально, видимо, *vika* обозначала расстояние от мыса до мыса в Исландии (встречается почти исключительно в древнеисландских текстах)¹⁹. Видимо, поэтому эта мера использовалась для определения расстояний при каботажных плаваниях.

¹⁸ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 508; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o66008> (дата обращения 25.12.2024).

¹⁹ Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 705; ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o87051> (дата обращения 25.12.2024).

Расстояние, таким образом, не являлось значимым для характеристики пространства в скандинавском обществе. Пространство оказывается лишенным четко определенных протяженностей, что было не только и не столько результатом отсутствия средств для объективной, выраженной в специальных единицах, оценки дистанции, сколько формой «очеловечения» пространства. Расстояние становилось не чем-то внеположенным человеку, но функцией его деятельности.

Таким образом, древнеисландская лексика, связанная с понятием пространства, свидетельствует, что оно не воспринималось как абстрактное, беспредельное, внеположенное человеку. Оно было по своей сути антропоцентричным. В сознании средневекового скандинава пространство состояло из участков большего или меньшего размера (ср. [Стеблин-Каменский 1976, с. 34] о мифологическом пространстве). Эти участки были всегда освоены людьми ли, богами ли, великанами ли, но они обязательно мыслились как населенные и обитаемые. Отдельные его участки – земельные владения, территории государств – могли примыкать друг к другу или находиться в неопределенном соотношении (как «миры» отдельных богов). В первом случае они разделялись границами, во втором – между ними находилось некое «пограничье» («фронтир»), пересекаемое при перемещении из одного участка пространства в другое.

* * *

Отсутствие абстрактного понятия «пространство» отнюдь не препятствовало чрезвычайной широте пространственного кругозора скандинавов эпохи викингов и последующего времени, который охватывал как те земли, которые были заселены ими самими, включая острова Северной Атлантики, так и те, в которые викинги совершали более или менее регулярные плавания: от Волги до Северной Америки и от северной оконечности Кольского п-ова до Испании и Византии [Мельникова 1986]. Однако далеко не все это пространство было освоено в равной мере. Если авторам родовых саг известен каждый мыс, фьорд и каждый хутор в Исландии, то некоторые сведения географического порядка (направление и длительность плавания, особенности ландшафта, климата и т. п.), полученные во время нескольких экспедиций в Северную Америку, оставили о себе память лишь в контексте рассказов о деяниях Лейва, сына Эйрика Рыжего, и Карлсевни в «Саге об Эйрике Рыжем» и «Саге о гренландцах» (*Eiríks saga rauða*, s. a.; *Grœnlendinga saga* 1891). Но сохранение описаний Винланда – случай достаточно редкий. Обычно сведения, полученные во время одного-двух походов, или забывались совсем, или отражались в виде топонимов-гапаксов как,

например, названия островов Западного Средиземноморья в рассказе о поездке в Святую Землю Сигурда Крестоносца (Snorri Sturluson 1951. В. 3, bls. 246–247; Снорри Стурлусон 1980, с. 482–485. См. подробнее [Melnikova 2023, pp. 40–42]). Обществом усваивались лишь те знания, которые закреплялись многократными, устойчивыми контактами. За пределами самих Скандинавских стран регионами, наиболее тесно связанными с деятельностью викингов и местами колонизованными, были Англия, Ирландия и северо-запад Франкии, но сведений и о них сохранилось немного. Так, например, поездки в Англию упоминаются всего в 35 рунических надписях, а саги знают лишь два английских города: Лондон (*Lundunaborg*) и Кентерберри (*Kantaraborg*) [Fjalldal 2005], хотя еще несколько упоминаются в конкретных контекстах, как острова Западного Средиземноморья. Скандинавская колонизация Англии и северо-запада Франкии оставила многочисленные следы в топонимии этих регионов [Fellows-Jensen 2004], доместицируя их, но их апроприация осталась неизвестной жителям собственно Скандинавии.

Значительно подробнее отразились в скандинавских памятниках знания о Восточной Европе. Ее пространственный образ начал формироваться уже во время первых посещений скандинавами Приладожья в VII–VIII вв., пополняясь в IX и X вв. [Лебедев 1985, с. 185–189; Джаксон 2001; Jackson 2019]. Упоминания об этой части ойкумены (за исключением, естественно, самих Скандинавских стран) наиболее часты в древнескандинавских памятниках письменности практически всех жанров (кроме епископских саг и переводной литературы). Поездки в Восточную Европу или через нее упоминаются в 120 рунических надписях, тогда как в Англию – всего около 35 раз, а в другие области Европы – менее 10 раз. Почти в любой королевской или родовой саге встречаются более или менее пространственные описания или хотя бы отдельные упоминания пребывания скандинавов «на востоке». В «викингских» сагах Приладожье – распространенное место действия, где разворачиваются приключения героя. Восточноевропейское пространство в коллективном сознании скандинавского общества является неотъемлемой частью его пространственного кругозора.

Знание пространства являлось предпосылкой его доместикации, т. е. его ментального освоения и контроля над ним [Michelet 2006, p. 27], что осуществлялось рядом процедур: именованием, установлением расстояний между отдельными объектами, определением его границ и др. Как было показано выше, границы и расстояние не служили в скандинавском обществе характеристиками пространства как такового, а имели только прикладное, практическое значение. Не применимы они и к представлениям о восточно-

европейском пространстве (в сагах практически нет упоминаний о длительности плаваний на Русь или пути между древнерусскими городами). Важнейшим способом доместикации Восточной Европы было наделение именем соответствующих частей пространства и находившихся в его пределах отдельных объектов.

Значение имянаречения осознавалось скандинавами настолько важным, что имена давались даже тем географическим объектам, которые находились за пределами осваиваемого пространства. Так, впервые высадившийся в Исландии норвежец Наддод (IX в.) дал ей имя *Snæland* «Снежная земля», хотя и не собирался оставаться на острове (позднее при заселении острова название было изменено на *Ísland* «Ледяная земля»). В рассказах о каждом из первопоселенцев в Исландии неизменно отмечается наречение ими различных природных объектов (мысов, фьордов, рек и пр.), причем нередко отмечаются причины такого наречения: например, Долина Брони была названа по имени коровы Броня, о которой рассказывается целая история (*Landnámabók*, сар. 14; [Литовских 2018, с. 124–133]). Намеренный поселиться в Гренландии Эйрик Рыжий (ок. 986 г.) первым делом дал новой земле название – *Grœnland* «Зеленая страна», объяснив потом, что такое название он выбрал специально, чтобы привлечь сюда переселенцев. Так же и Лейв, обследуя земли к западу от Гренландии, дает каждой из них имя по наиболее характерным свойствам местности: *Helluland* «Земля каменных плит», *Markland* «Лесная земля», *Vínland* «Виноградная земля». Как и наименование усадеб, наречение земель, их участков имело знаковое значение: участок пространства доместичировался, из чужого (неведомого) он становился своим, освоенным, и присваивался обществом или его конкретным представителем.

Аналогичной доместикации подверглось и восточноевропейское пространство. Обширная внескандинавская топонимия, запечатленная как в сагах, так и в географических трактатах, представляет собой исключительно передачу местных названий, часто оформленных с помощью скандинавских географических формантов (*borg*, *land* и др.): *Jórsalaland*, *Frakkland*, *Lundunaborg*. Деятельность скандинавов в Восточной Европе вызвала к жизни образование собственных географических наименований, как и в Англии и во Франкии, но, напротив, надолго сохранила их в коллективной памяти²⁰. Как представляется, ранее всего возникает собирательное обозначение Поволховья и Приильменя *Garðar*

²⁰ Перечень всех восточноевропейских топонимов в древнескандинавских источниках см.: [Древняя Русь 2012, с. 500–508].

(мн. ч., *Garðr*, ед. ч. «огороженная усадьба, двор; ограда»²¹), засвидетельствованное в скальдической поэзии X–XI вв. и в рунических надписях XI в. [Jackson 2019, pp. 65–69]. Этот регион имел особое, базисное значение для освоения скандинавами восточноевропейского пространства: через Неву, Ладожское озеро и Волхов осуществлялся вход в речную сеть Восточной Европы, которая стала важнейшим участком трансъвропейской системы коммуникаций, связывавших Североморский регион с арабским Востоком [Коновалова, Мельникова 2018, с. 20–47]. Освоение Волховско-Ильменского региона скандинавами начинается, по археологическим данным, на рубеже VII и VIII вв., а к середине VIII в. основывается преимущественно скандинавами фактория на новом торговом пути, получившая название *Aldeigja* (позднее – *Aldeigjuborg*) от финского гидронима *Alode-jogi* [Джаксон 2012, с. 635–637]. К середине IX в. у истоков Волхова возникает укрепленный центр власти, гарнизон которого составляли скандинавы (так называемое Рюриково городище), и он тоже получает собственное скандинавское наименование – *Hólmgarðr* (название впоследствии переносится на Новгород). Можно с уверенностью предполагать, что в процессе освоения Северо-Запада Восточной Европы возникали и другие топонимы, прежде всего названия поселений, где в значительном числе жили или регулярно останавливались скандинавы, что отразилось в археологических материалах. Однако этот пласт наименований не сохранился; возможно лишь, что его реликтами являются некоторые топонимы «викингских» саг, локализуемые на Русском Севере, в частности *Alaborg* (? идентификация его спорна), *Bjalkaland* (Земля белок), *Hlynskogar* (Кленовые леса), *Klyfandanes* (Расщепляющий мыс), *Krakunes* (Вороний мыс), которые могут быть вымышленными авторами саг, но могут быть и отголосками знаний о топографии этого региона.

Продвижение скандинавов на юг по Днепровскому пути вплоть до Византии на протяжении IX в. сопровождалось образованием комплекса оригинальных, собственно скандинавских топонимов, объединенных словом *garðr* и маркирующих основные пункты Пути из варяг в греки: *Hólmgarðr*, *Kænugarðr* – Киев и *Miklagarðr* – Константинополь, Царьград древнерусских источников [Мельникова 1977, с. 199–210]. Ни один из этих пунктов не является «усадьбой», и использование в их названиях слова *garðr* как географического термина условно и, очевидно, связано с закрепленностью в традиции наименования *Garðar*, Pl., которое при использовании в

²¹ ONP. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o26030> (дата обращения 25.12.2024).

качестве форманта частично или полностью десемантизировалось. К скандинавским основам восходят и первые части топонимов: *Hólm*- < др.-исл. *hólmr* «остров, возвышенный участок, не заливаемый водой в половодье», *Kæni*- < др.-исл. *kæna* «лодка», *Mikla*- < др.-исл. *mikill* «большой»²². Первые два топонима отражают особенности соответствующего локуса: «Рюриково» Городище было окружено Волховом и его притоками и в половодье оказывалось на острове среди залитой водой местности; наименование *Kænugarðr*, вероятно, первоначально относилось к поселению на киевском Подоле, где, как показали археологические исследования последних лет, в конце IX в. возникло поселение с гаванью на Почайне. В ойкониме *Miklagarðr* первая основа является калькой древнерусского *Царьградъ, Великий город*. Важно, однако, то, что древнерусское слово было не транслитерировано (заимствовано) скандинавами, а переведено на родной язык, т. е. усвоено и присвоено ими. К эпохе освоения Пути из варяг в греки может относиться гапакс *Syrnes*, названный в списке русских городов в одном из географических сочинений [Мельникова 1986, с. 64–65] и гипотетически соотносимый с центральным городищем Гнёздовского комплекса, рядом с которым протекает речка Свинец [Jackson 2019, pp. 101–102].

Этот комплекс собственно скандинавских топонимов свидетельствует о доместикации скандинавами Волховско-Ильменского региона в VIII–IX вв. и Пути из варяг в греки в IX – первой половине X в., что полностью согласуется с археологическим материалом, свидетельствующем об интеграции Северо-Запада будущей Руси в «балтийское культурное сообщество», или «циркумбалтийскую цивилизацию» [Лебедев 1985, с. 118–119, Лебедев 1986, с. 158–160].

К XI в. название *Garðar* (позднее *Garðaríki*) распространяется на всю территорию Руси, но ни одна из ее земель (княжеств) не получает особого наименования²³. Достаточно многочисленная топонимия Восточной Европы состоит по преимуществу из названий городов (саги и географические сочинения знают более

²² Попытки возвести первые основы двух первых топонимов к славянским словам: *Hólm*- к др.-рус. *хѣльмъ* и *Kæni*- к гипотетическому поссесиву *Киянь [город]* [Jackson 2019, pp. 71–85] сомнительны. Во-первых, в Поволховье и Приильменье в эпоху первоначального проникновения скандинавов (прото)городские поселения отсутствовали. Во-вторых, др.-русск. *хѣльмъ* и *градъ*, этимологически родственные и созвучные др.-сканд. *hólmr* и *garðr*, были бы осмыслены скандинавами как древнескандинавские (ср. ниже о названиях «Ростов» и «Суздаль»).

²³ Исключение составляют политонимы *Hólmgarðaríki* в «викингских» сагах (встречается несколько раз) и *Sursdalaríki* (Jackson 2019, с. 98).

10 ойконимов) [Древняя Русь 2012, с. 505–506], которые являются транслитерациями древнерусских названий: *Moramar*, *Palteskja* и др. Нередко они подвергались осмыслению как производные от древнескандинавских слов: например, *Radstofa* (Ростов), *Surdalir*, *Sursdalir* (Суздаль). «Народная этимологизация» названий не только объясняла непонятные скандинавской аудитории названия, но и «оскандинавливала» их, позволяла воспринимать их как свои, традиционные обозначения.

«Топонимическое» освоение восточноевропейского пространства скандинавами, таким образом, отражает принципиальную разницу между первоначальным (VII – первая половина X в.) и последующим (X–XI вв.) его этапами. На первом этапе пространство Волховско-Ильменского региона доместицируется, становится для скандинавов «своим», на втором – знакомство с остальной частью Древней Руси остается достаточно поверхностным, и это пространство воспринимается чужим и чуждым.

Освоенное, доместицированное пространство объединяется неким центром и организуется вокруг него как «середины мира» [Стеблин-Каменский 1976, с. 39] или средоточия власти [Harrison 2001]. Это может быть усадьба (в Исландии, например) или город [Gregory 1994, p. 36], которому противостоит периферия. В мифологической картине мира скандинавов «местонахождение всегда оказывается либо серединой мира, либо его окраиной... Локализация чего-либо в середине или на окраине мира – это в то же время и качественная, т. е. эмоционально-оценочная характеристика... все благое пребывает в середине мира, а все злое – на его окраине» [Стеблин-Каменский 1976, с. 36]. Показательна формула, определяющая владение скандинава за пределами самой Скандинавии: название центра + «то государство/ярлство, которое к нему относится». В «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» эта формула повторяется неоднократно: ярл Скули «правил Алаборгом и тем ярлством, которое к нему относится», Ульвкелль получает в управление «Алаборг и то государство, которое к нему относится», Ульвкелль обещает конунгу Хареку «Алаборг и Альдейгьюборг, а также все то государство, которое к ним относится» (Глазырина 1996, с. 52–53, 58–59, 70–71). Та же формула определяет свадебный дар Ингигерд, выходящей замуж за Ярослава Мудрого в «Круге Земном»: он должен передать в ее владение «Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится» [Глазырина 1994]. Соотношение центра / периферии, как явствует из приведенной формулы, основывается на представлении о власти, которая распространяется из центра на его округу. Организация восточноевропейского пространства вокруг таких центров проявляется в значительно большем количестве

ойконимов, нежели других топонимов, а также в позднейшей тенденции обозначить землю/княжество ойконимом во множественном числе: *Hólmgarðr* (город) – *Hólmgarðar* (область), *Kænugarðr* (город) – *Kænugarðar* (область). Периферия (область) как бы является производным от центра.

Таким образом, восточноевропейская топонимия в древнескандинавских источниках свидетельствует о разной степени знакомства скандинавов с различными регионами Руси: Северо-Западным, с одной стороны, и Северо-Восточным и Южным – с другой. Но главное – она показывает, что Волховско-Ильменский регион и Путь из варяг в греки были domesticiрованы скандинавами, они воспринимали эти земли как часть своего, хорошо известного, обжитого пространства в отличие от остальных территорий Восточной Европы, которые оставались знакомыми, но чужими.

Источники

- Глазырина 1996 – *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М.: Ладомир, 1996. 236 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)
- Матузова 1979 – *Матузова В.И.* Английские средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 267 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР)
- Сага о гренландцах – Сага о гренландцах / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Летний сад, 1999. Т. 1. С. 451–472.
- Сага об Эйрике Рыжем – Сага об Эйрике Рыжем / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Летний сад, 1999. Т. 1. С. 473–500.
- Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон.* Круг Земной // Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980 (Репринт, 1995). 686 с.
- Старшая Эдда – Старшая Эдда / пер. А. Корсуна; ред. пер. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1963 (Репринт, 1975). 259 с.
- Die Edda – Die Edda / Hrsg. R.C. Boer. Haarlem: H.D. Tjeenk Willink & Zoon, 1922. Bd. 1. 319 S.
- Eiríks saga rauða – Eiríks saga rauða / Guðni Jónsson bjó til prentunar. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/Eir%C3%ADks_saga_rau%C3%B0a (дата обращения 26.09.2024).
- Grœnlendinga saga – Eiríks saga rauða og Flatøbogens Grœnlendinga þáttur: samt ud-drag fra Ólafssaga Tryggvasonar / Udg. G. Storm. København: S.L. Møllers bogtrykkeri, 1891. 79 s.

- Landnámabók – Landnámabók (Sturlubók) // <https://www.snerpa.is/net/snorri/landnama.htm> (дата обращения 23.09.2024).
- Orkneyinga saga – Orkneyinga saga / Udg. S. Nordal. København: Møller, 1913–1916. 312 s.
- Snorri Sturluson 1951 – *Sturluson S. Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1951. B. 3 (Íslensk Fornrit, XXVIII). 387 Bls.
- Äldre Västgötalagen – Äldre Västgötalagen og dens bilag i Cod. Holm. B 59 / Utg. P.-A. Wiktorsson. Skara, 2011. B. 1–2.

Литература

- Глазырина 1994 – *Глазырина Г.В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Snorri Sturlusona о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладоги скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1991 г. М.: Наука, 1994. С. 240–244.
- Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- Гуревич 2005 – *Гуревич А.Я.* Пространственно-временной континуум «Песни о нибелунгах» // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор: Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: РГГУ, 2005. С. 118–137.
- Данилевский 2004 – *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
- Джаксон 1994 – *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.
- Джаксон 2001 – *Джаксон Т.Н.* Austr i Gögðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянских культур, 2001. 208 с.
- Джаксон 2012 – *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 779 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)
- Древняя Русь 2012 – Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 595 с.
- Замятин 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 487 с.
- Коновалова, Мельникова 2018 – *Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций. М.: Весь мир, 2018. 276 с.
- Лебедев 1985 – *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 285 с.
- Лебедев 1986 – *Лебедев Г.С.* Балтийская субконтинентальная цивилизация // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и ли-

- тературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 158–160.
- Литовских 2018 – *Литовских Е.В.* Корова Броня: животный мир в «Книге о занятии земли» // Древнейшие государства Восточной Европы, 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной / отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон, А.С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. С. 124–133.
- Мелетинский 1975 – *Мелетинский Е.М.* Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам, VII. Тарту, 1975. Вып. 365. С. 38–51. (Ученые записки Тартуского государственного университета)
- Мельникова 1977 – *Мельникова Е.А.* Восточноевропейские топонимы с корнем *gard-* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22. С. 199–210.
- Мельникова 1986 – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1986. 230 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР)
- Мельникова 1987 – *Мельникова Е.А.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 263 с. (2-е изд. 2018).
- Мельникова 1998 – *Мельникова Е.А.* Образ мира: Становление и эволюция географических представлений в Европе: V–XIV вв. М.: Ладомир, 1998. 254 с.
- Мельникова 2001a – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 363–436.
- Мельникова 2001б – *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 493 с.
- Мельникова 2014 – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские представления о пространстве в зеркале языка // Книга картины Земли: Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / отв. ред. Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинов. М., 2014. С. 177–191.
- Мельникова 2015 – *Мельникова Е.А.* Договоры о границах (Англо-Саксонская Англия и Скандинавия) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти... Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 15–17 апреля 2015 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2015. Вып. 17. С. 189–195.
- Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Defining the Holy 2006 – *Defining the holy: Sacred space in Medieval and Early Modern Europe* / ed. by S. Hamilton, A. Spicer. L.: Routledge, 2006. 368 p.
- Fellows-Jensen 2004 – *Fellows-Jensen G.* Scandinavian settlement in the British Isles and Normandy: What the place-names reveal // *Scandinavia and Europe 800–1350: Contact, conflict, and coexistence* / ed. by J. Adams, K. Holman. Turnhout: Brepols, 2004. P. 137–147.
- Fjalldal 2005 – *Fjalldal M.* Anglo-Saxon England in Icelandic medieval texts. Toronto: University of Toronto Press, 2005. 162 p.

- Frank 2000 – *Frank J.* Introduction // *Spatial Change in English literature* / ed. by J. Frank. Dordrecht: Springer, 2000. P. 9–23.
- Gregory 1994 – *Gregory D.* Geographical imagination. L.: Wiley-Blackwell, 1994. 326 p.
- Gurevich 1985 – *Gurevich A.Ya.* Categories of medieval culture / transl. by G.L. Campbell. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. 347 p.
- Harrison 1998 – *Harrison D.* Skapelsen geografi. Föreställningar om rymd och rum i medeltidens Europa. Stockholm: Ordfront, 1998. 244 s.
- Harrison 2001 – *Harrison D.* Invisible boundaries and places of power: Notions of liminality and centrality in the Early Middle Ages // *The transformation of frontiers from Late Antiquity to the Carolingians* / ed. by W. Pohl, I. Wood, H. Reimitz. Leiden: Brill, 2001. P. 83–93.
- Hastrup 1985 – *Hastrup K.* Culture and history in medieval Iceland: An anthropological analysis of structure and change. Oxford: Clarendon press, 1985. 285 p.
- Jackson 2019 – *Jackson T.N.* Eastern Europe in Icelandic sagas. Leeds: ARC Humanities Press, 2019. 228 p. (Beyond Medieval Europe)
- Krag 1971 – *Krag C.* Landskapsnavn på -land og -rike // *Historisk tidskrift*. 1971. Bd. 50. No. 4. S. 341–354.
- Melnikova 2023 – *Melnikova T.A.* The Mediterranean in the Old Scandinavian image of the world // *Vikings in the Mediterranean. Proceedings of the International Conference, Athens, 27–30 November 2019* / ed. by N. Price, M.H. Eriksen, C. Jahnke. Athens: The Norwegian Institute in Athens, 2023. P. 35–52.
- Michelet 2006 – *Michelet F.L.* Creation, migration, and conquest. Imaginary geography and sense of space in Old English literature. Oxford: Oxford University Press, 2006. 297 p.
- Place, Space, and Landscape 2007 – *Place, space, and landscape in medieval narrative* / ed. by L.L. Howes. Knoxville: University of Tennessee Press, 2007. 207 p. (Tennessee Studies in literature; vol. 43)
- Simek 1990 – *Simek R.* Altnordische Kosmographie. Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1990. 643 S.
- Talmy 1983 – *Talmy L.* How language structures space // *Spatial orientation: Theory, research, and application* / ed. by H.L. Pick, L.P. Acredolo. N.Y.: Plenum Press, 1983. P. 225–282.

References

- Danilevskii, I.N. (2004), *Povest' vremennykh let: Gerменевтические основы изучения летописных текстов* [The *Primary Chronicle* (Tale of Bygone Years). Hermeneutic basis for studying chronicle texts], Aspekt-Press, Moscow, Russia.
- Fellows-Jensen, G. (2004), “Scandinavian settlement in the British Isles and Normandy: What the place-names reveal”, in Adams, J. and Holman, K., eds., *Scandinavia and Europe 800–1350: Contact, conflict, and coexistence*, Brepols, Turnhout, Belgium, pp. 137–147.

- Fjalldal, M. (2005), *Anglo-Saxon England in Icelandic medieval texts*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Frank, J. (2000), "Introduction", in Frank, J., ed., *Spatial Change in English literature*, Springer, Dordrecht, Netherlands, pp. 9–23.
- Glazyrina, G.V. (1994), "Wedding gift of Yaroslav the Wise to the Swedish princess Ingigerd (on the question of the reliability of Snorri Sturluson's information on the handover of Aldeigjuborg / Old Ladoga to Scandinavians), in *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: Materialy i issledovaniya: 1991 god* [Ancient States of Eastern Europe. Materials and research], Moscow, Nauka, Russia, pp. 240–244.
- Gregory, D. (1994), *Geographical imagination*, Wiley-Blackwell, UK.
- Gurevich, A.Ya. (1972), *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval culture], Iskustvo, Moscow, USSR.
- Gurevich, A.Ya. (1985) *Categories of medieval culture*, Routledge & Kegan Paul, London, UK, Boston, USA.
- Gurevich, A.Ya. (2005), "Space- and time continuum of the *Nibelungenlied*", in Gurevich, A.Ya., *Istoriya – neskonchaemyi spor: Medievistika i skandinavistika: stat'i raznykh let* [History – a never-ending controversy. Medieval and Scandinavian studies: Articles written in different years], RGGU, Moscow, Russia, pp. 118–137 (first publication 1978).
- Hamilton, S. and Spicer, A., eds. (2006), *Defining the holy: Sacred space in Medieval and Early Modern Europe*, Routledge, London, UK.
- Harrison, D. (1998), *Skapelsen geografi. Föreställningar om rymd och rum i medeltidens Europa*, Ordfront, Stockholm, Sweden.
- Harrison, D. (2001), "Invisible boundaries and places of power: Notions of liminality and centrality in the Early Middle Ages", in Pohl, W., Wood, I. and Reimitz, H., eds., *The transformation of frontiers from Late Antiquity to the Carolingians*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 83–93.
- Hastrup, K. (1985), *Culture and history in medieval Iceland: An anthropological analysis of structure and change*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Howes, L.L., ed. (2007), *Place, space, and landscape in medieval narrative*, University of Tennessee Press, Knoxville, USA.
- Jackson, T.N. (1994), "Space orientation principles in the picture of the world of a medieval Scandinavian], *Odisei: Chelovek v istorii* [Odysseus: A person in history], Moscow, Russia, pp. 54–64.
- Jackson, T.N. (2001), *Austr i Gørðum: Drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh* [Austr i Gørðum. Old Russian place-names in the Old Norse sources], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Jackson, T.N. (2012), *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope: Teksty, perevod, kommentarii* [Icelandic kings' sagas on Eastern Europe (Ancient sources for the history of Eastern Europe. Texts, translation, commentary), Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia. (*Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy*)

- Jackson, T.N. (2019), *Eastern Europe in Icelandic sagas*, Arc Humanities Press, Leeds, UK.
- Konovalova, I.G. and Melnikova, E.A. (2018), *Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii* [Old Rus' in the system of Eurasian communications], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Krag, C. (1971), "Landskapsnavn på -land og -rike", *Historisk tidsskrift*, bd. 50, no. 4, pp. 341–354.
- Lebedev, G.S. (1985), *Epokha vikingov v Severnoi Evrope* [The Viking age in Northern Europe], Leningradskii universitet, Leningrad, USSR.
- Lebedev, G.S. (1986), "The Baltic subcontinental civilization", in *X Vsesoyuznaya konferentsiya po izucheniiyu istorii, ekonomiki, yazyka i literatury Skandinavskikh stran i Finlyandii: Tezisy dokladov* [10th All-Union Conference on Studies of History, Economics, Language, and Literature of Scandinavian Countries and Finland. Theses], Moscow, USSR, part 1, pp. 158–160.
- Litovskikh, E.V. (2018), "The cow Bronya. The world of animals in the *Landnámabók*", in Gimón, T.V., Melnikova, E.A., Jackson, T.N. and Schavelev, A.S., eds., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2016 god: Pamyati G.V. Glazyrinoi* [Ancient states of Eastern Europe. 2016. In memory of G.V. Glazyrina], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 124–133.
- Meletinskii, E.M. (1975), "Scandinavian mythology as a system", in *Trudy po znakovym sistemam, VII* [Studies of semiotic systems, VII], Tartu, USSR, iss. 365, pp. 38–51. (*Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*)
- Melnikova, E.A. (1977), "East-European place-names with the stem *garð-* in the Old Norse literature", in *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection], iss. 22, Tallin, USSR, pp. 199–210.
- Melnikova, E.A. (1986), *Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya: Teksty, perevod, kommentarii* [Old Norse geographical writings. Texts, translation, commentaries, Nauka, Moscow, USSR. (*Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR*)
- Melnikova, E.A. (1987), *Mech i lira. Anglo-saksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [The Sword and the Harp. Anglo-Saxon Society in History and Epics], Moscow: Mysl' (2nd ed. 2018).
- Melnikova, E.A. (1998), *Obraz mira. Stanovlenie i evolyutsiya geograficheskikh predstavlenij v Evrope. V–XIV veka* [The Image of the World. Emergence and Evolution of Geographical Ideas in Europe. Fifth to Fourteenth Centuries], Moscow, Ladimir, Russia.
- Melnikova, E.A. (2001), "Old Norse itineraries to Rome, Constantinople, and the Holy Land", in Glazyrina, G.V., ed., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1999 g.: Vostochnaya i Severnaya Evropa v Srednevekov'e* [Ancient states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe in the Middle Ages], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 363–436.
- Melnikova, E.A. (2001), *Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretatsii* [Scandinavian runic inscriptions. New findings and interpretations], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.

- Melnikova, E.A., ed. (2012), *Drevnaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Rus' in the light of foreign sources], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Melnikova, E.A. (2014), "Old Norse notions of space in the mirror of the language", in Jackson, T.N. and Podosinov, A.V., eds., *Kniga kartiny Zemli: Sbornik statei v chest' I.G. Konovalovoi* [The book of the picture of the world. Collected articles in honour of I.G. Konovalova], Moscow, Russia, pp. 177–191.
- Melnikova, E.A. (2015), "The border treaties (Anglo-Saxon England and Scandinavia)", in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza: XXVII Chteniya pamyati ... Vladimira Terent'evicha Pashuto* [Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. State Territory as a Factor of Politogenesis: XXVII Conference Commemorating Vladimir Terentyevich Pashuto], IVI RAN, Moscow, Russia, iss. 17, pp. 189–195.
- Melnikova, E.A. (2023), "The Mediterranean in the Old Scandinavian image of the world", in Price, N., H. Eriksen, M. and Jahnke, C., eds., *Vikings in the Mediterranean. Proceedings of International Conference, Athens, 27–30 November 2019*, The Norwegian Institute in Athens, Athens, Greece, pp. 35–52.
- Michelet, F.L. (2006), *Creation, migration, and conquest. Imaginary geography and sense of space in Old English literature*, Oxford, Oxford University Press, UK.
- Simek, R. (1990), *Altnordische Kosmographie. Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jh.* Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Steblin-Kamenskii, M.I. (1976), *Mif* [Myth], Nauka, Leningrad, USSR.
- Talmy, L. (1983), "How language structures space", in Pick, H.L. and Acredolo, L.P., eds., *Spatial orientation: Theory, research, and application*, Plenum Press, New York, USA, pp. 225–282.
- Zamyatin, D.N. (2006), *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modelling of geographical images], Znack, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена А. Мельникова, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; melnikova_2002@mail.ru

Information about the author

Elena A. Melnikova, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninskij pr., Moscow, Russia, 119334; melnikova_2002@mail.ru